

ПЕРВАЯ КНИГА О РУТИЛИИ РУФЕ

A. MANZO. “Magnum munus de iure respondendi substinebat”. Studi su Publio Rutilio Rufo. Milano: LED Edizioni Universitarie, 2016. 128 p.

Публий Рутилий Руф занимает особое место среди деятелей поздней Республики – государственный деятель, военачальник, оратор, писатель, юрист, но больше всего он известен не подвигами на поле брани или свершениями на государственном поприще, а тем, что был осужден за мнимое вымогательство и отправился в изгнание, что не помешало ему одержать моральную победу над теми, по чьей вине его постигла подобная участь. Несмотря на необычность судьбы Рутилия Руфа до сих пор не было ни одной посвященной ему монографии, поэтому работа Аннамари Манцо примечательна уже хотя бы тем, что является первой книгой о нем. Автор – специалист по истории римского права, недаром работа вышла в серии “Collana della Rivista di Diritto Romano”.

Книга начинается с политической биографии героя (с. 5–30), рождение которого автор относит ко времени между 156 и 154 гг.¹ Из слов Цицерона (*Planc.* 21. 52) следует, что Рутилий проиграл выборы в эдилы, однако, по мнению А. Манцо, должность эту он все же занимал, но уже после претуры, в 111 г. Претором же он мог стать самое позднее в 118 г., поскольку уже через два года (минимальный интервал по закону Виллия) выдвинул свою кандидатуру в ходе консульских выборов на 115 г., которые проиграл (консулом Рутилий стал лишь спустя 10 лет, в 105 г.). В 94 г. в качестве легата он отправился со Сцеволой Понтификом в Азию, где оставался еще девять месяцев после его отъезда. Манцо особо подчеркивает то, что Рутилий, как следует из Диодора (XXXVII. 5. 1), выступал в качестве советника проконсула в ходе отправления правосудия. Меры обоих против публиканов снискали им популярность в провинции, но породили возмущение в Риме. Такого влиятельного человека, как Сцевола, тронуть не решились, однако против Рутилия выдвинули обвинения в вымогательстве, а заодно еще, как это часто делалось, и в аморальном поведении. Он отказался от услуг виднейших ораторов Антония и Красса и защищал себя сам, но был осужден. В источниках нет ясности, ушел Рутилий в изгнание добровольно или по приговору суда. По-видимому, он не мог выплатить сумму, предусмотренную приговором, и предпочел уйти в изгнание, оказавшееся добровольным лишь по видимости. Реабилитации Рутилий не добивался, вернуться домой, как предлагал ему Сулла, не захотел. Умер он, видимо, в середине 70-х годов. «Строгий и умеренный стиль жизни, мужество и достоинство, с которыми Рутилий встречал тяжкие удары судьбы, безупречная моральная чистота, отличавшие его, способствовали тому, что он стал образцом *optimus* для всех последующих поколений» (с. 27).

Неудивительно, что в античной литературе и современной историографии господствует образ Рутилия – невинной жертвы. Между тем личностью он был «многогранной и сложной», и ученые обнаружили следы враждебной ему традиции, в которой не все считали его несправедливо осужденным: даже благоволившего ему Цицерона смущало и то, что во время устроенной Митридатом резни римлян Рутилий сменил тогу на паллий и уехал из Митилены в Смирну, приняв гражданство последней; Феофан Митиленский уверял, будто Рутилий подговаривал Митридата учинить избиение римлян, и т.д. Изгнанник активно защищал собственную репутацию и нападал на врагов – прежде всего, конечно, сочиняя автобиографию. Наряду с Марком Скавром и Луцием Катудом Рутилий стал одним из зачинателей этого жанра в Риме. Написал он также и историю своего времени. Манцо склонна считать, что многие фрагменты с упоминанием Рутилия (из сочинений Цицерона, Валерия Максима, Сенеки, Плутарха и др.) восходят к его

¹ Все даты в рецензии – до нашей эры.

мемуарам. В то же время ей кажется сомнительной (думается, вполне справедливо) попытка М. Сорди приписать Рутилию пассажи из Плутарха (*Sull.* 12. 9–14) о попустительстве полководцев времен гражданских войн солдатам (с. 27–30, 41–51). На с. 51–61 помещены на языке оригинала и в переводе фрагменты источников, предположительно восходящие к сочинениям Рутилия.

Особое внимание в книге уделено Рутилию как философу, оратору и юристу (гл. II–IV). Помпоний называет его наряду с Авлом Вергинием и Квинтом Элием Тубероном, учениками Мания Манилия, Марка Юния Брута и Публия Муция Сцеволы (*Dig.* 1. 2. 2. 40); вместе их называет и Цицерон (*Lael.* 101), из которого Помпоний, возможно, и исходил. Главным среди этих трех был Туберон, как и Рутилий, принадлежавший к стоикам. Их учение пользовалось популярностью среди представителей римской интеллектуальной элиты, к мышлению которой приспособил его Панетий. Его идеи повлияли на окружение Сципиона Эмилиана, под чьим командованием служил в Испании Рутилий, также усвоивший доктрину стоиков. Панетий говорил о поиске истины, присущей фактам: они должны создавать впечатление такой силы, которая придавала бы им бесспорную очевидность и привела к согласию. Подобные представления повлияли на самую знаменитую речь Рутилия, произнесенную им в суде: *oratio pro se contra publicanos*. Как известно, он, избегая всяких отступлений, ограничился изложением фактов, которые, согласно стоической доктрине, призваны говорить сами за себя. Стиль его отличался строгостью, Рутилий не пытался повлиять на эмоции присяжных, но при этом нам, увы, ничего неизвестно о его конкретных аргументах в свою защиту (с. 31–41).

Говоря о Рутилии-юристе, Манцо прежде всего рассматривает *actio Rutiliana* – важнейшее звено в процессе разработки единого и эффективного порядка мер в отношении имущества должника (*esecuzione patrimoniale*). Процесс этот уходит корнями еще во времена закона Петелия – Папирия, отменившего продажу должника в рабство. Гай приписывает Рутилию введение продажи имущества должника с публичных торгов, однако сопровождает данное указание оговоркой *dicitur* (*Inst.* IV. 35), чем выдает свои сомнения по поводу «авторства» Рутилия в отношении данной меры. В действительности же такие торги имели место до него, но *actio Rutiliana* наряду с *actio Serviana* серьезно реформировали систему их проведения (с. 63–83).

Ульпиан сообщает об эдикте претора Рутилия (*praetor Rutilius edixit*), в соответствии с которым в распоряжении патрона в отношении вольноотпущенника оставался лишь *actio operarum* и *actio societatis*, при условии заключения соглашения о введении патрона в товарищество с отпущенником, если тот не будет оказывать должное почтение (*Dig.* 38. 2. 1 пр.–2). Как отмечает автор, слова *primus praetor Rutilius* подчеркивают новаторство Рутилия, ибо до той поры предполагалось, что патрон вправе предъявлять вольноотпущеннику практически неограниченные требования. Впрочем, А. Уотсон высказывал мнение, что речь идет о другом обладателе этого *poteris*, а именно о преторе 166 г. Рутилии Кальве (вероятно, отце консула 105 г.). Однако, по мнению Манцо, упомянутый эдикт больше соответствует условиям конца II в., как экономическим, так и интеллектуальным, в том числе стоической *sapientia*, которой был столь привержен Рутилий Руф. Не согласна она и с Л. ди Леллой, который, напротив, относил эдикт *de bonis libertorum* к более позднему времени, а именно ко второй половине I в., поскольку такая трактовка основана на неверном толковании слов *namque ut Servius scribit, antea soliti fuerunt a libertis durissimas res exigere*: ди Лелла решил, что они отражают реалии времени Сервия Сульпиция Руфа (середина I в.), а не куда более раннего, и соответственно эдикт *de bonis libertorum*, ограничивавший права патронов в этой сфере, появился позже. Однако это не более чем предположение. Таким образом, полагает Манцо, именно с деятельностью Рутилия Руфа, «*prope perfectus in stoicis*, начинается серия мероприятий, глубоко повлиявших на отношения патроната, приведя их в большее соответствие с новыми условиями динамично развивавшейся экономики и новыми ценностями общества» (с. 88).

Кроме того, как отмечал Цицерон, Рутилий охотно давал *responsa*. Три его *sententiae* сохранил Ульпиан. Первая из них касается срока, на который предоставляется пользование жильем (*habitatio*); Рутилий считал, что такое право сохраняется у человека до конца жизни (*Dig.* 7. 8. 10.3). Вопрос этот служил предметом дискуссий среди *veteres interpretes*, причем со времени Муция Сцеволы (с ним, как уже говорилось, Рутилия связывали тесные отношения), юристы склонны были расширять число людей, которым дозволялось жить в *domus*, причем в их число включались и вольноотпущенники; Рутилий же, в свою очередь, считал и срок *habitatio* пожизненным, причем Манцо считает, что его слова на сей счет (*et Rutilius donec vivat habitationem competere ait*) следует понимать буквально. Весьма вероятно, полагает она, *responsum* был дан если и не *per ratione materiae*, то в связи с интересом, который испытывал Рутилий к вопросу, связанным с вольноотпущенниками (с. 92–96).

Вторая сохраненная Ульпианом (*Dig.* 33. 9. 3. 9) *sententia* Рутилия касается *penus legata*: он считал, что в состав отказанных по завещанию продовольственных запасов включаются дрова, уголь и прочее, с помощью чего готовятся сами припасы (если только это не было заготовлено

для продажи). Здесь Рутилий расходился со своим современником и *amicus* Муцием Сцеволой (тот относил к *repus* лишь предназначенное для еды и питья) и Авлом Офилием, рассуждая в духе жившего на полвека раньше Секста Элия Ката, который включал в *repus legata* предметы, не являвшиеся пищей (в частности ладан и воск). Этот *responsum*, как и предыдущий, по мнению Манцо, отражал серьезный интерес Рутилия к вопросам, связанным с семьей, которая, как и все общество, в те годы претерпевала глубокие перемены (с. 97–99).

В третьей сентенции Рутилий утверждает, что нависающее над зданием дерево надо срубить целиком, а не только нависающую его часть (*Dig.* 43. 27. 1 pr.–2). Это более суровое предписание по сравнению с другим, где самому собственнику разрешается срубить ветви мешающего дерева. В данном случае имеется в виду защита интересов сельского собственника, чей урожай мог пострадать, если тень от дерева мешает солнцу, тогда как Рутилий заботился о безопасности здания, фундамент которого оказывался под угрозой из-за разросшихся корней – тема, весьма актуальная для города Рима. Видимо, с этой же темой связана была и речь Рутилия “*De modo aedificiorum*”, произнесенная, возможно, во время его эдилитета, где вопрос предположительно касался высоты зданий (с. 99–100).

И, наконец, некая *constitutio Rutiliana*, упомянутая в первом из Ватиканских фрагментов в контексте вопроса о приобретении по давности вещи, проданной женщиной без одобрения опекуна, покупателем после уплаты им цены и о праве женщины вернуть себе вещь до наступления срока давности при условии возвращения ею стоимости вещи (*Vat. fr.* 1). Возникают неясности с используемым в тексте выражением “*alienare possessionem*”, необычным для юристов классической эпохи; а “*Iulianus propter Rutilianam constitutionem*” иногда предлагают заменить на “*Iulianus propter utilitatem constituit*”, и тогда рассматриваемый фрагмент вообще не имеет отношения к Рутилию. В целом Манцо готова согласиться с С. Солацци в том, что рассматриваемый пассаж обречен оставаться загадкой (с. 101–103).

Завершают книгу фрагменты из источников, помогающие реконструировать «просопографический профиль» героя книги (с. 107–114).

Монография А. Манцо являет собой добротный очерк жизни и деятельности Рутилия Руфа, неплохо отражая состояние связанного с ним круга проблем (особенно историко-правовых), и в этом ее главная ценность. Конечно, многие вопросы можно было бы рассмотреть куда подробнее, но на то уж воля автора. Не обошлось в книге и без некоторых ошибочных и спорных высказываний. Так, говоря о переменах в римском государстве к худшему, Манцо безо всяких оговорок приводит в качестве примеров образование латифундий, упадок мелкого крестьянства, вытеснение крестьянского труда рабским и т.д. (с. 6–7), однако в историографии многократно ставились под сомнение как сами эти факты, так и их масштабы, которые у автора сомнений явно не вызывают, и даже в случае несогласия следовало бы как-то отреагировать на соответствующую аргументацию. Также в книге повторяется распространенный в литературе тезис, будто Рутилий отверг предложение Антония и Красса о помощи в суде (с. 21–22), однако Цицерон (*Brut.* 115) пишет лишь о том, что он *не захотел* к ней прибегнуть (*eorum adhibere neutrum voluit*), а не о том, что оба знаменитых оратора ее *предлагали*². Весьма странно истолковывает автор сообщение Цицерона (*Planc.* 52) о неудаче Рутилия Руфа при выборах в плебейские трибуны, в котором она усматривает указание на фиаско в ходе выборов в эдилы (с. 11), никак такое толкование не объясняя и признавая при этом также и провал Рутилия при попытке стать трибуном (с. 11, прим. 24). А. Манцо все время называет его претором 118 г. (своего рода замена имени), но она сама признает предположительность этой датировки. Однако указанные недостатки не носят принципиального характера, и в целом можно лишь приветствовать первую монографию о таком ярком историческом персонаже, как Публий Рутилий Руф.

Anton V. Korolenkov,
Publishing House “Nauka”, Moscow, Russia;
State Academic University for Humanities,
Moscow, Russia
E-mail: sallust@list.ru

А.В. Короленков,
к.и.н., Издательство «Наука»,
Москва, Россия;
Государственный академический университет
гуманитарных наук,
Москва, Россия

² Хотя создать такое впечатление Цицерон явно стремится, в другом месте (*De or.* I. 231) сравнивая Рутилия с Сократом, который отказался от речи, написанной для него Лисием.